

Историко-этимологический анализ слова-имени концепта «Сад» на материале русской лингвокультуры

Жукова М.Ю., Като Ю.

1

Изучение взаимосвязи языка и культуры в целом – одно из актуальных и продуктивных исследовательских направлений в современной лингвистике. Как утверждал К. Леви-Строс, «язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» (Леви-Строс 2001: 114). Формирование культурного кода непосредственно связано с содержанием концепта как единицы языковой картины мира, отражающей особенности культуры и мировидения определенной лингвокультурной общности.

В современных лингвокультурологических исследованиях существует несколько точек зрения на определение концепта. Мы будем придерживаться понимания лингвокультурного концепта, сформулированного в одной из работ Е.И.Зиновьевой: «концепт – это основная единица ментальности, заключающая в себе образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней» (Зиновьева 2004: 103). Вслед за С.Г.Воркачевым уточним, что лингвокультурные концепты в узком смысле можно определить как «понятия жизненной философии», закрепленные в лексике и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса. В широком понимании к лингвокультурным концептам можно отнести любой вербализованный культурный смысл, отмеченный этнической спецификой (Воркачев 2005: 77-78). Отметим также, что С.Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую

(признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические и ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка (Воркачев 2004: 65). Описанию этимологического слоя концепта «Сад» на материале русской лингвокультуры посвящена данная статья.

2

Исследуемый нами концепт «Сад», вербализуемый в русской национальной картине мира на протяжении веков, демонстрирует динамику своего развития от древнего (культурно-этнического) к современному – общекультурному (универсальному).

Для того, чтобы понять всю глубину содержания данного концепта, нужно обратиться непосредственно к этимологии слова-имени концепта «Сад».

На основании проанализированных источников (этимологических и историко-этимологических, историко-культурных словарей) можно сделать выводы об общеславянском происхождении слова. Так, словарь М.Фасмера даёт нам следующую информацию: «сад» имеется в украинском, в болгарском, в древнерусском садъ имеет значение «дерево, растение, роща, сад», в старославянском садъ, в болгарском сад «насаждения», в сербохорватском сад «новое насаждение», в словенский *sad* «плод, плантация», в чешском, словацком *sad* «сад, насаждение, парк», в польском *sad* «сад, парк», в верхне-лужицком и нижне-лужицком *sad* «фрукты, сад». В праславянском *saďь* «посадка» — стар., основа на - и, от глаголов садить, сидеть, сесть. Ср. древнеиндский *sadas* «езда верхом, сиденье», древнеисландский *sot* «сажа» (т. е. то, что садится); см. также сажа. (Фасмер 1971: 543-544).

Общеславянское слово «сад» образовано с помощью суффикса -ъ и перегласовки от *sadti* (сесть; см.). В др. -русск. яз. обозначало также «дерево, растение» (Шанский 1961: 294). Сесть - общеславянское индоевропейского

характера (ср. лат. *sedeo* - «сиджу», готск. *sitan* - «сидеть» и т.д.). Совр. форма развилась из **sedti* (См. сидеть, седло (Шанский 1961: 301)).

Слово «сад» в традиционной культуре и фольклоре - это образ рая; в песнях, сказках и других жанрах — символ безмятежного девичества, в магии — место совершения ритуальных действий, направленных на увеличение плодотворной силы деревьев (ср. восточно-славянское сад, садовина 'плодовое дерево'). Фольклорный образ сада получил наибольшее развитие у восточных славян (Толстой 2009: 530, т. 4). В "Словаре древнерусского языка Срезневского" сад – растение, дерево; деревья (собр.); садь; трава, луг; роща. В словаре как примеры размещены предложения, в которых выделенная часть земли содержит «птиц» «цветы» «(трава) плодно, пищебно» (Срезневский 1912: 241-242).

Таким образом, слово «сад» с общим значением «насаждение» -- собственно русское слово, имеющее праславянскую производящую основу. Концепт «Сад» является национально-специфичным для русского языкового сознания, он включает в себя сложное соединение духовной и материальной стороны русской жизни, он вербализуется в соответствующих речевых контекстах и отражает языковую картину мира русского народа.

Здесь важно представить также точку зрения В.В. Колесова на происхождение и развитие значений слова-имени концепта «Сад», приведенную в недавно вышедшем "Словаре русской ментальности (СРМ 2014: 200)". Сад – общеславянское «посадка», (ср. «парадиз» от греческого – «увеселительный парк; рай, семантической калькой с которого это значение слова является); древнерусское – «растение, дерево» (1073), «роща» (XI в.), «сад» (1259), «трава, луг» (1499), «огороженное место для содержания зверей» (1607).

Логика исследования приводит нас к необходимости представления историко-культурной и мифологической составляющей данного концепта, т.е. предьявления его с точки зрения диахронии на основе краткого описания древнего славянского мифологического сознания. Для этого обратимся к словарю «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого (Славянские древности 2009: т. 4). «САД - локус, в традиционной культуре и фольклоре

образ рая, в песнях, сказках и других жанрах - символ безмятежного девичества, в магии - место совершения ритуальных действий, направленных на увеличение плодоносной силы деревьев (ср. восточно-слав. сад, садовина 'плодовое дерево').

Фольклорный образ сада получил наибольшее развитие у восточных славян. Представление о саде-рае известно всем славянам. Оно нашло отражение в поверьях, легендах и этимологических преданиях, сказках, обычаях и магических практиках. Представление о саде-рае базируется на ветхозаветном образе рая, а также на многочисленных апокрифических сочинениях и их пересказах. Словаки и словенцы считали рай неувядающим садом; болгары верили, что рай — это сад, где находятся души умерших, перед каждым из которых стоит стол, а на нем — все, что подали кому-л. при жизни сами умершие, а также все то, что подали в память о них их близкие; русские Владимирской губернии представляли себе рай в образе большого сада с золотыми и серебряными домами. Райский сад — это место, расположенное на востоке, где растут вечнозеленые деревья, на которых висят чудесные плоды, там благоухают цветы, находится водный источник (обычно колодец или речка), поют птицы и т. д. Будучи соотнесенным с раем, сад связывается и с «тем светом», что особенно заметно в поверьях и рассказах о посещении иного мира. В восточнославянских сказках герой попадает через глубокий колодец в чудесный сад, где растут деревья, на которых зреют плоды, дающие силу (моложавые или молодильные яблоки). В легендарных и волшебных сказках, в которых описывается пребывание героя на «том свете», рай-сад полон деревьев (не обязательно плодовых, ср. «березовый сад»), цветов, там есть река, там много птиц, поющих чудесными голосами, и разных зверей, ласковых и красивых, там растут фрукты и ягоды, гуляют малые дети, там стоит огромный дом, в котором живет Бог, и т. д. Устойчивая связь сада с раем и «тем светом» находит продолжение в том, что сад как локус стал ассоциироваться с представлениями о смерти, умирании и похоронным обрядом, ср. также устойчивую для ряда традиций практику похорон некрещеных детей в саду (укр., южно - рус., болг.).

Образ сада — один из наиболее частотных в лирических и свадебных

песнях, где сад связывается с привольной и беззаботной жизнью девушки (у русских в этих контекстах часто зеленый сад). Пребывание, нахождение в саду - повседневная форма девичьего досуга: девушка сама сажает сад, поливает и ухаживает за ним. В песнях девушка постоянно называет сад своим: «мой зеленый сад», «мои сады», откуда и возникает образ топтания сада как посягательства на ее девичество и волю. В русских сказках сад - место, где гуляют дочери царя, и откуда их похищает Кощей, змей и т.п. На свадьбе, во время прощания девушки с волей-красотой, она часто относит свой венок или ленту в сад. Ассоциация девушки и девичества с садом подтверждается и другими данными, ср. русск. сад, роща как собирательное обозначение девичьей группы, идти в сад 'расти, взрослеть', серб. диал. сад дети, потомство', а также представление о том, что в раю молодежь находится в цветущем саду, а молодые люди, состоящие в браке, — в саду с фруктами.

Как символ девичества и вольной жизни образ сада используется в свадебных песнях: жених с боярами топчет сад = забирает девушку; отец, брат и жених отправляются в сад искать девушку, которую в конечном счете находит именно жених; девушка прячется в саду и сообщает родным, что выйдет за того, кто найдет ее в саду, ср. также устойчивое противопоставление сада и посада, гуляния и сидения как вольной и замужней жизни. Образ сада присутствует и в свадебном обычае украшать каравай на манер сада (цветами, веточками плодовых деревьев, яблоками, надетыми на палочки, и т.п.), а также прямо называть каравай садом (белорусск.). Аналогичным образом украшали на Украине и кашу на крестинах — чтобы жизнь у ребенка была счастливой, «райской». Цветущий сад, которым украшают каравай, порождает устойчивую ассоциацию сада с замужеством, ср. — примету о том, что видеть во сне цветущий сад — к скорому браку (восточно-слав.). В ритуалах и магии, чтобы обеспечить урожай плодовых деревьев и избавиться от вредителей, помимо действий над самими деревьями плодовыми, у южных славян, реже в других местах были известны магические практики, совершаемые в саду.

С садом связаны также некоторые запреты и поверья, направленные на то, чтобы не повредить урожаю плодовых деревьев. Сербы и белорусы

считали, что ухоженные сады подвержены сглазу, а запущенные — нет, поэтому хозяева часто оставляли несколько засохших и заброшенных деревьев ближе к ограде, чтобы никто не сглазил сад.

Сад был местом совершения магических действий и гаданий. В Полесье, в Хорватии женщины часто закапывали послед и пуповину после родов в саду, чтобы самим быть плодовитыми, а также чтобы родившиеся у них девочки были плодовитыми и красивыми. В Белоруссии, чтобы летом лошади не делали потравы, в Сочельник пастух шел в сад, где спутывал стволы нескольких деревьев. В Болгарии на Благовещение, в день св. Трифона и другие весенние праздники женщины выносили в сад горячие угли и зажженные тряпки, «согревая» землю. В Полесье опасались строить дом на том месте, где раньше был сад, который спилили или выкорчевали.

Сад считался местом появления некоторых демонологических персонажей, прежде всего русалок (восточно-слав.), из-за чего на Троицу нельзя было гулять в садах, чтобы русалки не защекотали.» (Славянские древности: 2009, т.4).

Предъявление подобных сведений и рассуждений, по нашему мнению, дают возможность показать, что лингвокультурный концепт «Сад» в историческом плане глубоко «погружен» в русское культурное пространство и в связи с этим далеко не полно представлен в современном языке и в современном лингвокультурном пространстве. В данном случае, вслед за В.В. Красных, мы отмечаем, что зачастую «культурное содержание» не осознается и не рефлегируется самими представителями той или иной культуры. Это связано с важным отличием культурного пространства от когнитивной базы: когнитивная база имеет горизонтальную структуру, т.е. имеет центр и периферию, а культурное пространство имеет и вертикальную структуру, т.е. имеет глубину. К глубинным слоям русского культурного пространства относятся те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям (см. выше материалы словаря «Славянские древности»), и эти представления проявляются, кодируются, так называемыми, «кодами культуры». Код культуры – «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его

(Красных 2003: 297-299).

Как нам представляется, понятие культурного пространства у В.В. Красных можно сопоставить с лингвокультурологическим пониманием наивной картины мира (в различные исторические периоды ее развития), а различные коды культуры, разработанные исследовательницей (соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный), будут представлены набором базовых концептов русской лингвокультуры (Красных 2003: 300-301). Исходя из данного понимания, концепт «Сад», с нашей точки зрения, предъясвляет пространственный код русской культуры и связан с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой». Это фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как близкий, свой родной, он прежде всего исторически связан с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически связанный с миром мертвых. Но если концепты «Поле», «Лес», «Река», «Горы» действительно представляют рубежи и грани «чужого» (возможно, потустороннего) мира, то концепт «Сад» в своем историческом развитии (как было показано выше) имеет возможность предъясвлять как ближайший мир человека, так и потусторонний мир. Причем, предъясвляя мир потусторонний (райский сад), исследуемый нами концепт переходит в разряд духовных кодов культуры, её базовых ценностных оппозиций – оппозиций добра и зла.

3

Подводя итог, отметим, что универсальный и общекультурный концепт «Сад» является национально специфичным для русской лингвокультуры, он несет в себе древнее, глубинное культурное содержание, демонстрирующее мировоззрение русского этноса на протяжении веков. В то же время исследуемый нами концепт, вербализуемый в русской национальной картине мира, демонстрирует динамику своего развития от древнего культурно-этнического к современному общекультурному, универсальному. Второй вывод нашей работы предъясвим в виде гипотезы, сформировавшейся в ходе данного совместного исследования. Наше

предположение состоит в том, что сопоставление процессов формирования и развития концепта «Сад» в японской и русской лингвокультурах позволит выявить как во многом схожие черты, так и чрезвычайно значимые различия. В связи с этим в следующей статье будет проведен структурно аналогичный данному анализ концепта в его историческом развитии на материале японской лингвокультуры, что даст возможность продолжить наше исследование в рамках актуального направления диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели/ С.Г. Воркачев // *Филологические науки*. № 4. С. 76-82.
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
3. Зиновьева Е.И. Лингвокультурный концепт «дело» в русской языковой картине мира\ \ Сборник статей, посвященный юбилею профессора СПбГУ Н.А. Любимовой. СПб., 2004.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т.3. СПб, 1912
6. Толстой Н.И. Славянские древности. М., 2009.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. М., 1971.
8. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка в 2-х томах. М., 1961.